

Семен Грила

Капитан

Праздно шатаясь, можно не туда зайти. Можно подумать, что это смешно и что это плоско, но такое случается, и нередко, особенно когда вам приходится бродить по закоулкам собственной души, волочась за обрывками мыслей. Этак очень путанно и грустно Мефодиев, лежа на диване, двигался в неизвестном ему направлении. Но кто-то знал, кто-то знал...

Диван, на котором лежал он, находился в приличной квартире в центре города, в мистических домах Патриарших прудов. Литература делает деньги — правда, совсем не литераторам, как правило. Хотя исключения тоже бывают — нечасто, но на то они и исключения.

Итак, Мефодиев, праздно шатаясь, начал вдруг ощущать какой-то нерв в этой бродилке. Что-то щекотало его экзистенциальную тоску. Что-то трогало его за грудь и отпускало. А потом опять. Ему казалось, он знал эти ладони. Но... Но не в ладонях было дело.

Слава богу, зазвонил телефон.

— Нора! — радостно заорал Мефодиев. — Как я рад тебя слышать!

Та, кто была, очевидно, Норой, слегка опешила, сбита бурной рекой, неожиданно бурной.

— Привет, — сказала она после паузы, почти неуловимой. — Как ты? Преододел апатию или по-прежнему на диване? Лежишь и ненавидишь мир?

— Лежу, лежу на диване, — почему-то теперь шёпотом сказал Мефодиев. — Просто замечательно лежу.

— У меня тоже всё как всегда, — сказала Нора, не дожидаясь вежливого вопроса.

— Отлично, — теперь обычным голосом произнёс он.

— Я хотела тебя спросить. Тебе что-нибудь говорит имя...? — она назвала имя.

— Нет. А что это?

— Контора, занимающаяся искусственным интеллектом.

— Я как-то далёк от этого.

— Ну конечно.

— А в чём дело-то?

— Да ни в чём. Хотела узнать про них.

— Узнала?

— Ты ничего не сказал, — она злилась.

— Ладно, ладно. Не по телефону же.

Они сидели на Волхонке, в «Ванили», с видом на храм.

— Чего тебе надо? — спросил он после того, как изучили меню, которое знали наизусть, поболтали с официантами, заказали.

— Ничего. Мне — ничего, — защебетала Нора. — А вот мои работодатели...

— О, они теперь работодатели? Раньше были друзья и любовники.

— Да, мои работодатели интересуются возможностями сняться с санкций. Вернее, быть уверенными, что вдруг не включат. А то, знаешь, эти бюрократы...

— Ни хуя себе запросы.

- Ну а как? У всех свои. Только в этом разница.
- Я при чём?
- Некоторые думают, что ты можешь потрянуть записными книжками и найти подходящих собеседников.
- Сколько тебе платят?
- За это — ничего.
- Значит, мы вместе?
- Ну, если до этого дойдёт, то хотелось бы, — она засмеялась.
- Деньги, кругом одни деньги.
- А ты как думал! Время большого хапка, как говорили мои родители.
- У тебя были родители? — он засмеялся.
- Почему были? Они и сейчас есть, — не обиделась она. Она была не обидчива то ли от ума, то ли от отсутствия рефлексии. — Мы договорились?
- Я подумаю.
- Когда?
- Через неделю.
- Они и не заметили, как за разговором всё смели с тарелок. Попросили счёт. Вызвали такси. Два. Ну, на всякий случай.

Прошло шесть месяцев. Мефодиев сделал всё, что мог. Причём почти сразу после того, как они договорились через неделю. Он нашёл подрядчика, и тот за небольшой прайс обещал почистить сети от фамилий тех, кого было нужно обелить перед недремлющими постановщиками проблем, то есть санкций.

Норе он объявил несуразную сумму. Когда её глаза округлились, сказал, что половина — её. Тогда её глаза подозрительно сузились. Она была недоверчивая. Ну прям совсем.

Деньги Мефодиев получил. Норе откатил. Жизнь потекла дальше глаже прежнего. Он вернулся на диван. Он всегда на него возвращался. Надо было проверить подрядчика. Но ему было лень, хотя он называл это верой в людей. В слово.

А потом пришёл капитан. Он пришёл и сказал:

— Я капитан. Мне приказали тебя наказать.

Это был такой настоящий-настоящий капитан, как мог представить себе Мефодиев кого-то, кто так себя рекомендует. Он сидел перед ним — маленький, толстый, лысеющий, потный, в трусах и майке.

— Кто и за что? — сумел спросить Мефодиев, сам удивляясь, что не визжит от страха. Наверное, потому что капитан был не страшный, Мефодиев ещё не обосрался. Хотя его и трясло немного. Наверное, от холода. Была осень. Или зима — теперь он уже точно не знал.

Капитан долго смотрел на него, а потом ушёл, сказав, что придёт завтра и чтобы Мефодиев никуда не уходил. Всё выглядело как в плохом кино.

Мефодиев позвонил Норе. Телефон сказал ему, что такого номера не существует. «Вот ведь в интересное время живём — я звоню по номеру, которого нет. Как так? А вот так!»

Пошарил в Сети. Много текстов про новые санкции и знакомые фамилии. Понятно, почему приходил капитан и не отвечает Нора.

Она считает, что я её подставил, иначе бы предупредила. Наверняка давно знала.

Посмотрел отчёты подрядчика. Посмотрел живую картинку. Стало ещё холоднее. Подрядчик просто ничего не сделал. Ничего.

Это я приехал замечательно. Прям игра ума.

Денег у меня уже нет. Да их и не деньги интересуют.

Капитан. Единственная надежда.

Сколько? И чего? И как поговорить? Нужен кто-то. Посредник?
Умножение сущностей...

Капитан пришёл, как обещал, на следующий день. Молча избил Мефодиева и ушёл, оставив того лежащим на полу, в крови, соплях и слезах.

Не уходи, я приду завтра, вроде сказал он, уходя, или Мефодиеву это почудилось.

Мефодиев кое-как встал. Понял, что вроде ничего не сломано, и лёг на диван. Голова кружилась. Он летал, закрыв глаза. С открытыми — нет.

Чего капитан хочет? Готовит к разговору? О чём? Секретов я не знаю. Денег нет. Что? Нора. Она что-то сделала не так. Разгадка где-то там.

Пришло утро — и пришёл капитан. Не бил. Просто смотрел. Мефодиев терпел.

Капитан спросил:

— Знаешь Нору?

Мефодиев кивнул.

Капитан достал телефон и набрал номер.

— На, держи, — он протянул трубку.

Мефодиев взял.

— Говори.

Мефодиев сказал:

— Алло.

Это была Нора.

— Как ты? — спросила она.

— Меня тут трамбуют, а чего хотят, не говорят.

— Скажут.

— Исправить невозможно?

— Возможно, за этим капитан и пришёл.

— Я постараюсь.

— Уж постарайся.

— Я тебя подвёл.

— Делай, что говорят, и всё будет хорошо.

Капитан забрал трубку.

— Ну ты понял? — спросил он, кивнув на телефон.

— Не совсем.

— Твои разговоры с подрядчиком и в целом твои разнообразные усилия вокруг этого случая зафиксированы.

— А, — сказал Мефодиев.

— Теперь твоя задача — правильно подсветить заказчика.

— А, — повторил Мефодиев.

— Позвонишь подрядчику — с ним же надо разобраться, он не сделал работу и тебя подставил. Он тебе должен.

— Нора, — понял Мефодиев.

— Правильно, — сказал капитан. — Она не у тех взяла деньги и не такой обещала результат.

— Так она... — опять понял Мефодиев.

— Да, она взяла у конкурентов, и они теперь хотят положить её в могилу с теми, кто в результате твоей работы огреб санкции.

Мефодиев догадался, что конкуренты решили закопать врагов поглубже.

— Ты не слишком подробно мне всё это объясняешь? — спросил он.

— Но ты же убежишь? И там всё расскажешь?

— Я не побегу, — сказал Мефодиев. — Не переживай. И никому ничего не расскажу.

— Если ты не убежишь и не расскажешь, тебя, вероятно, просто убьют.

— Кто?

— Я, — сказал капитан.

Мефодиев ему как-то сразу поверил.

Капитан бил его в этот раз как-то очень больно и долго. Замесил прям.

Мефодиев очнулся на диване. Как заполз на него, он не помнил.

Он пролежал два дня. Потом встал, оделся, собрал рюкзак и поехал в аэропорт.

В Берлине было солнечно. Он сидел на скамейке в парке.

Вспомнил «Семнадцать мгновений весны» и

Плейшнера-Евстигнеева, с которым воздух свободы сыграл злую шутку. Как похоже на меня, усмехнулся он.

Рядом кто-то сел. Он повернул голову и почему-то не удивился.

Рядом сидел капитан.

— Пойдём, — сказал капитан. — Тут недалеко.

Они встали и пошли. Действительно, было недалеко.